

Польская литература XX в. в творческом восприятии Виктора Александровича Хорева

Аннотация:

Научная палитра исследований заслуженного деятеля науки РФ профессора Виктора Александровича Хорева очень разнообразна: она связана с изучением истории польской литературы, ее связей с русской и мировой культурами, открытием новых и умалчиваемых имен ее деятелей, анализом их творчества, переводами на русский язык польских авторов и др. Но главное в научной деятельности В.А. Хорева — это разработка нового направления, охватывающего и синтезирующего в литературоведении принципы ряда гуманитарных наук (литературы, фольклора, истории, политики, психологии, языка и т.д.), названного автором имагологией. В свете принципов этой науки В.А. Хорев исследовал польскую литературу самого трудного и противоречивого периода: 1890–1990 гг. Из всего почти полутысячного научного наследия В.А. Хорева рассматриваются восемь монографических работ, посвященных этой проблеме и рассмотренных «вдоль» жизни ученого.

Ключевые слова:

польская литература, имагология, исследование, современность, «свой», «чужой», познание, изменение, писатель.

*Svetlana F. MUSIYENKO
(Grodno)*

Polish literature of the XX century in the creative perception of Viktor Alexandrovich Khorev

Abstract:

The scientific palette of research conducted by Professor Viktor Alexandrovich Khorev, Honored Scientist of the Russian Federation, is very diverse: it is connected with the study of the history of Polish literature, its relations with Russian and world cultures, discovery of its figures' names, both new and concealed ones, the analysis of their works, etc. But the highlight of his scientific work is the development of a new direction, which has incorporated and synthesized the principles of a number of areas of humanitarian sciences (literature, folklore, history, politics, psychology, language, etc.) in literature studies, which the author has called «ima-

gology». V.A. Khorev explored the Polish literature of the most difficult and controversial period (1890–1990) in the light of the principles of this new method. From the scientific heritage of V.A. Khorev of nearly half a thousand works, there have been eight monographic works devoted to this problem and considered «against the backdrop of» the life of a scientist chosen to be examined.

Keywords:

Polish literature, imagology, research, modernity, «one's own», «alien», cognition, change, a writer.

Литература создает возможность особого познания действительности, преломленной в воображении писателя. Эта действительность может отличаться от знакомой читателю и открывать новые, универсальные горизонты, если писатель стремится рассматривать описываемые явления в общечеловеческой перспективе.

В.А. Хорев

Профессор Виктор Александрович Хорев — заслуженный деятель науки РФ, удостоенный более двух десятков наград и премий России и Польши, автор более 400 трудов по польской, русской, мировой литературе XIX–XX вв. и сравнительному литературоведению. Его исследования отличаются научной новизной, оригинальностью, яркостью. В трудах В.А. Хорева освещен, казалось бы, весь литературный процесс XX в., но в центре его всегда оставалась милая сердцу автора *польская литература*. В орбиту исследовательской деятельности ученого попали как основополагающие ее тенденции (особенности развития, периодизация, специфика, школы, виды, жанры в историко-временном и социально-эстетическом их проявлениях), так и отдельные авторы, среди которых были и широко известные, но показанные ученым с не исследованной ранее стороны, и забытые, но возрожденные в трудах Хорева, и представители молодого поколения культуры.

Одним из новейших и интереснейших аспектов изучения польской литературы, разработанных В.А. Хоревым, является *имагология*, основанная на познании «своего» с помощью познания «чужого». Назовем это «видением» польской литературы представителями «других» народов. Ракурс «другого» или «чужого» позволяет не только

и не столько сравнивать подобное в двух культурах или противопоставлять их, сколько помогает проникать в суть явления и «своего» и изучаемого «чужого». Имагологическому исследованию польской и русской литератур Хорев посвятил два фундаментальных монографических труда «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки» (Москва, 2005) и «Восприятие России и русской литературы польскими писателями (очерки)» (Москва, 2012). Оба труда автор определяет жанром очерка. В действительности в книгах представлен во всей сложности литературно-исторический процесс двух народов более чем за 1000 лет с обоснованием причин социально-нравственных противоречий между странами, с привлечением документов, архивных данных, исторических свидетельств, произведений фольклора и литературы. В свете имагологического восприятия Хорев создал и свой третий фундаментальный труд «Польская литература XX века. 1890–1990» (Москва, 2009). Этот труд в научной деятельности и жизни профессора имеет свою историю.

Историко-литературный процесс Польши интересовал Хорева всегда. Об этом свидетельствуют написанные главы об истории польской литературы в энциклопедических и научных изданиях. Масштабность мышления профессора проявилась ярко и оригинально и в коллективном двухтомном труде сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР «История польской литературы» (1969), в нем Хореву принадлежит глава «Литература 1918–1944 годов». Естественно, предполагалось издание и третьего тома, в котором была бы представлена литература Польской Народной Республики, т.е. после Второй мировой войны, но коммунистическая цензура не могла позволить анализировать современный литературный процесс, поскольку его участниками и творцами были живые люди — участники войны, создатели демократического строя и его противники, или оставшиеся в зарубежных странах, или по политическим мотивам эмигрировавшие из ПНР, или томившиеся в «демократических» тюрьмах, лагерях, а позднее — в психбольницах.

Столь разнородные убеждения людей, составлявших польское общество после Второй мировой войны, естественно, сказались на развитии литературы. Впервые Хорев представил литературу военных лет (1939–1944) как явление уникальное, как литературу, передававшую одновременно и всеобщую антифашистскую направленность, и социально-политические противоречия, и героизм польского народа

в борьбе за свободу, показавшую страдания и стойкость узников фашистских концлагерей. Следует вспомнить в этом случае советскую «моральную» доктрину, согласно которой узники фашистских концлагерей приравнивались к попавшим в фашистский плен военнослужащим. И тех, и других в превалирующем большинстве ждали тюрьмы и лагеря, но уже сталинские, поскольку эти люди считались предателями родины. Казалось бы, что этот суровый и несправедливый закон должен был применяться лишь к советским людям, но использовался он и в большинстве стран социалистического лагеря, в том числе в Польше. Кроме того, долгие годы послевоенного периода многие факты, проблемы и события Второй мировой войны замалчивались, были под официальным запретом или трактовались тенденциозно и откровенно несправедливо (Варшавское восстание, служба в Армии Крайовой и др.). Замалчивались и имена деятелей культуры, боровшихся с фашистами, но не разделявших коммунистическую (точнее советскую) идеологию. Многие из таких имен были впервые названы Хоревым в «Истории польской литературы». Кроме того, анализируя творчество К.К. Бачиньского, советский исследователь отметил: «Морально-философская проблематика лирики Бачиньского концентрирует трагизм жизни польского народа под пятой оккупанта»¹. Ученый очень удачно использовал оценку польской литературы оккупационного периода, высказанную известным польским литературоведом К. Выкой: «За датой каждого стихотворения стояли концлагеря, облавы, пытки, смерть, Освенцим»².

«История польской литературы» заканчивалась разделом, охватывающим межвоенный период (первую половину XX в.). Как уже говорилось, предполагалось ее продолжение. Ведь человечество готовилось к двум знаменательным датам: трагической — в 1969 г. отмечалось 30-летие с начала Второй мировой войны, и торжественной — 25-летию со дня окончания этой войны и победы над фашизмом. Казалось бы, историческая ситуация способствовала изучению трагедии войны, страданий человечества и правды цены победы. Однако решения ЦК КПСС были сильнее общечеловеческого желания *рассказать* о своей боли, утратах, разрушениях целых стран и массовой гибели людей. Возможно, бóльшая открытость и бóльшая информированность масс в шестидесятые–семидесятые годы XX в. не привела бы к искажению истории Второй мировой войны в начале века XXI. А тогда, в 1960-е гг. в литературе о войне начали складываться новые подходы и тенденции:

временная, хоть и короткая дистанция позволяла осмыслить войну и как общечеловеческую трагедию, и как драму каждого ее современника — драму человека, попавшего в круговорот общей беды. Оправдался афоризм Д.Б. Шоу, высказанный еще в конце XIX в.: «война — это волк, и он может прийти и к вашей двери»³. 20–25 лет — период большой в человеческой жизни, но в историческом измерении он слишком короток для того, чтобы понять, осмыслить и разгадать тайны столь значимого события, как Вторая мировая война, не ставшая историей и сегодня, в начале XXI в. Говорят, событие входит в стадию исторического по истечении 50 лет после смерти последнего его участника и свидетеля. В середине XX столетия (1960–70-е гг.) следы прошлой войны еще не утратили своей трагической зримости: болели раны ее участников, живыми оставались страдания узников концлагерей, не утихала боль утраты близких. Неслучайно в этот период в художественной литературе появляется новый тип произведений о войне, которые отличались «пронзительностью» содержания, поскольку соединяли в себе трагическую эмоциональность с философским обобщением событий, стремлением понять суть трагедии и источники героизма и выносливости жертв фашизма. Чаще их авторами были или очевидцы фашистских злодеяний, или борцы с фашизмом, или узники фашистских тюрем и концлагерей. Их произведения имели документально-фактическую основу пережитых собственных драм: «Пассажирка» З. Посмыш, «Дым над Биркенау» С. Шмаглевской, «Элегия» Б. Чешко (в книге Хорева «Плач»), «Колумбы — год рождения двадцатый» Р. Братного, «Современный сонник» Т. Конвицкого, «Сад господина Ничке» К. Филиповича и др. Произведения о войне, созданные в 1960-е гг., обрели не только философско-эмоциональный характер, но и стали своеобразным ответом на призывы некоторых политиков и христианских деятелей простить фашистам их злодеяния. Среди таких призывов следует вспомнить «Воззвание епископов польских епископату немецкому» (1965), приуроченное к двум наиважнейшим для всего человечества датам: 25-летию с начала Второй мировой войны и 20-летию со дня ее завершения и победы над фашизмом. «Воззвание» было принято неоднозначно, поскольку Германия в тот период была разделена на два самостоятельных государства: Восточную (ГДР) и Западную (ФРГ), восстанавливавшую не только мирную жизнь, но и военный потенциал. А это вызывало опасения у стран социалистического лагеря во главе с СССР, в том числе и в самой Германии, правда,

восточной (ГДР). Было ли человечество готово к забвению *пережитой* трагедии? Ведь большинство ее участников и свидетелей были еще живы, раны войны еще кровоточили, в городах оккупированных стран, в том числе в Варшаве оставались разрушенные дома и среди них были в самом центре руины королевского замка. Неслучайно во второй половине 1960-х гг. тема войны не только стала одной из главных в европейских литературах, но и приобрела особый характер: в ней проявилась *эмоциональная* память, литература становилась *эмоциональной* историей трагедии, пережитой людьми, ставшими авторами произведений литературы и других видов искусства. В культуре и идеологии стран социалистического лагеря поощрялись авторы произведений, утверждавшие доктрины социалистического реализма. Следует признать, что в 1960-е гг. деформации правды о войне было гораздо меньше. Не далеки во времени были и сама трагедия, и Нюрнбергский процесс, и миллионы пострадавших и переживших войну людей. Естественно, тема ее была одной из главных и, пожалуй, имела одинаковую во всем мире интерпретацию: война — трагедия для всех и для каждого человека. Неслучайно все другие проблемы культуры решались в преломлении войны и через ее призму. Такое решение идейно-художественных задач было особенно актуальным для стран, оккупированных в прошлом фашистами, среди которых Польша понесла невосполнимые утраты: погибла $\frac{1}{4}$ часть населения страны и на ее территории (в большинстве вдоль восточной границы, соседствующей с СССР) фашисты создали более 2 000 концентрационных лагерей и лагерей смерти. На месте и на базе таких мест создавались музеи, свидетельствующие о страданиях узников концлагерей и фашистских злодеяниях. Все это стало объектом осмысления трагического прошлого, оказывавшего несомненное влияние на современность. Война, в которой участвовало старшее поколение (отцы), стала важным фактором формирования психики, убеждений и идеалов нового поколения, выросшего после войны (20-летние), и поколения, детство которого было опалено ее пламенем — дети, повзрослевшие к 1960-м гг. настолько, что уже сумели закончить университеты и пополнить ряды ученых, внесших не только новые знания, но и привнесших новое видение современности и исторических процессов, в том числе и трагедии мировой войны. Это был период *философско-эмоционального* ее осмысления — своеобразный переход от воспроизведения пережитого до показа его влияния на настоящее и будущее человечества.

Известно, что судьбы мира проявляются в судьбе каждого человека и находят отклик в его душе, оказывая влияние на его жизнь, деятельность, поступки. Изменение восприятия войны привело к новому ее творческому отражению. Временной, хоть и короткий (20 лет), интервал с начала войны позволил и деятелям культуры старших поколений увидеть трагедию не только со стороны пережитых и наблюдаемых фактов, но и осмыслить ее масштаб и влияние на судьбы человечества и будущее всей земли. Произведения о войне меняли свой характер: обретали философскую глубину, психологический анализ пережитого, бесчеловечные, жестокие, разрушительные факты трансформировались в незабываемые душевные переживания не только участников трагедии, но и их детей. Своеобразную эволюцию претерпевало отношение к трагедии, а порой менялись ее оценки. Это была очень необычная и по-своему драматичная эволюция, поскольку она «прошла» через души людей, коснувшись самого тяжелого восприятия пережитой войны. Справедливость сказанного подтверждается характером и эволюцией оценок в исследованиях не только проблем Второй мировой войны, но и литературно-исторического процесса XX в., как отдельных народов, так и его общих и общечеловеческих особенностей.

Человек живет в постоянно меняющемся мире и под его влиянием меняется сам. Этот процесс не касается изменений убеждений (хотя порой и этот факт играет решающую роль). Речь идет о накоплении знаний, новых открытиях и анализе событий и явлений с учетом временного фактора, изменяющегося видения их от предметно-конкретного, детализированного ракурса до философско-целостного. Примером может служить эволюция одной из главных проблем научной деятельности профессора Хорева — истории польской литературы XX в. Исследованию этой проблемы ученый отдал более 50 лет своей жизни, хотя не менее важными и значимыми были и другие проблемы: литературные связи России и Польши в современном и историческом аспектах, взаимодействие польской, других славянских литератур и литератур европейского зарубежья, анализ историко-литературного процесса Польши и России, имагология — новое разработанное им направление. Все это своеобразно фокусировалось и контаминировалось автором, способствуя проявлению его внимания к главной проблеме — истории польской литературы. Первый труд на эту тему был опубликован Хоревым в 1961 г., последний — в 2012 г. В данном случае важна не только проблематика и ее эволюция во времени, но история и судьба каждого издания.

Итак, начало исследования относится к 1961 г. Оно совпало с началом научной биографии Хорева, закончившего аспирантуру МГУ имени М.В. Ломоносова и успешно защитившего кандидатскую диссертацию. По окончании учебы он был приглашен на работу в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Интерес к истории польской литературы ученый не только проявлял в течение всей творческой жизни, но и сделал в ней важнейшие открытия: новых и забытых имен, по-новому рассматривал процессы ее развития, освещал неисследованные явления, жанры, творческие особенности деятелей культуры, показывал особенности польского литературно-исторического процесса в контексте развития мировой литературы. Из всего огромного по своей значимости научно-творческого наследия профессора Хорева выбраны восемь расположенных «вдоль» жизни ученого монографических исследований, в которых обобщен процесс развития польской литературы и показано его национальное и художественное своеобразие:

- 1) О литературе Народной Польши. М., 1961. — 31 с.;
- 2) История польской литературы 1918–1944 годов (раздел в двухтомном коллективном труде «История польской литературы». Т. II. М., 1969. С. 172–225; С. 347–361);
- 3) Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979. — 366 с.;
- 4) Польская литература (раздел в коллективном двухтомном научном труде «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны 1945–1960». Т. I. М., 1995. С. 87–177);
- 5) Польская литература (раздел в коллективном двухтомном научном труде «История литератур Восточной Европы после второй мировой войны 1970–1980-е гг.». Т. II, М., 2001. С. 71–153);
- 6) Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009. — 351 с.;
- 7) Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. — 231 с.;
- 8) Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012. — 236 с.

Из восьми исследований шесть посвящены истории польской литературы XX в. — периоду наиболее трудному, но и наиболее близкому и богатому на события мировой (в них Польша и ее культура является одной из составляющих глобальных исторических процес-

сов) и национальной значимости (в них показано преломление общих исторических процессов в судьбах польского народа).

Две последние монографии Хорева занимают особое место не только в исследованиях автора, но и во всей литературоведческой науке. В них культурологические, исторические, литературно-творческие и даже этнолингвистические процессы русского и польского народов более чем за тысячу лет исследованы автором в свете новой науки *имагологии*.

Первое исследование *истории* польской литературы XX в. Хорев начал в условиях строжайшей идеологической цензуры, на исходе «оттепели», в разгар укрепления социалистического лагеря. Как уже говорилось, в этот период *не приветствовались* работы по *современной* литературе. И, тем не менее, молодой ученый издал в 1961 г. брошюру, небольшую по объему «О литературе Народной Польши», которую определил как «Материалы для лекции о *современной* [курсивной]. — С. М.] польской литературе». Обратим внимание на два идейных назначения подзаголовка: «*материалы для лекции*» и «*современная*» литература Польши. Издательство «Общество по распространению политических и научных знаний» было не только толерантным, но имело гораздо большую свободу и больше возможностей, чем все остальные. И Хорев эти возможности сумел использовать с максимальным эффектом. В 1960-е гг. советская цензура к деятелям культуры выдвигала основное требование — обоснование закономерностей развития социалистического реализма. Естественно, этот тезис использовал и Хорев, трактуя его очень своеобразно: он доказал, что социалистическая литература в Польше развивалась на основе прогрессивных традиций творчества писателей прошлых эпох. Так в тексте «материалов для лекции» появились имена Мицкевича, Словацкого, Пруса, Жеромского. Эпоху демократического развития в Польше, как справедливо подчеркивал ученый, предвляла трагедия Второй мировой войны. «В урагане войны, — отметил исследователь, — уцелела только пятая часть книг, собранных в общественных и частных библиотеках. В концентрационных лагерях погибли тысячи работников культуры и просвещения»⁴. В исследовании утверждается и значимость писателей, творчество которых определяло развитие польской литературы первой половины XX в.: М. Домбровской, Ю. Тувима, Б. Ясенского, З. Налковской и других. Далек не все они представляли социалистическую литературу. Что касается важнейшей части

исследования — анализа современного литературного процесса, то его значимость заключалась прежде всего в верности трактовки исторической ситуации и в умении показать сложные явления времени, о которых старались умалчивать. Впервые Хорев представил периодизацию литературного процесса, которая осталась актуальной до сегодняшнего дня; определил творческие принципы писателей поколения свидетелей и участников трагедии войны: старшего (М. Домбровская, З. Налковская, Л. Рудницкий), среднего (Я. Ивашкевич, Е. Анджеевский, К. Брандыс, В. Броневский) и младшего (Р. Братный, Т. Боровский); показал идейное и художественное многообразие развития и идейные противоречия в современном литературном процессе Польши. Объектом критики исследователя были не только, а скорее не столько деятели и явления культуры официальных властей, сколько особенность их деятельности и творчества. Ангажированный цензурой журнал «Кузница», утверждал автор, страдал «ограниченностью» взгляда на литературу, в то время как «польские писатели обращались к классическим образцам национальной культуры. В литературе *оживают* [курсив мой. — С. М.] лучшие традиции романтической поэзии и реалистической прозы XIX века»⁵.

В творчестве деятелей культуры М. Хласко, А. Слонимского, Е. Анджеевского (конец 1950-х гг.) Хорев показал не только их отход от тенденций и идей социалистического реализма, но и представленные ими новые подходы к жизни: у Хласко — «вечные, надклассовые проблемы совести и разума, свободы личности, власти»⁶, у Анджеевского — стремление писателя «в абстрактно-философском плане» «выяснить источники „зла“, которые он видит в деморализующем воздействии власти»⁷.

В сравнительно небольшой работе представлены десятки имен и произведений современной польской литературы, многие из которых в советском литературоведении упоминались впервые. Безусловно, «эзопов язык» Хорева власти довольно быстро разгадали, но уже готовился коллективный труд ученых Института славяноведения и балканистики АН СССР «История польской литературы» в трех томах. Задачей издания было показать пути и особенности развития польской литературы от истоков до 1960-х гг. В редакционную коллегию входили ведущие советские полонисты В.В. Витт, И.С. Миллер, Б.Ф. Стахеев, В.А. Хорев. Из задуманного трехтомника вышли только 2 тома: первый том охватывал литературный процесс от начала до

1890 г., второй — с 1890 по 1944 гг. Во втором томе перу В.А. Хорева принадлежат два раздела: обзорно-аналитическая глава «Литература 1918–1944 годов» и глава о творчестве Константы Идельфонса Галчиньского. Следует отметить, что к этому времени у Хорева имелись интересные новаторские исследования о творчестве любимого автором известного польского поэта Владислава Броневского⁸. В названном издании раздел о нем принадлежит Т.П. Агапкиной.

Обзорную главу Хорева отличала научная новизна, гражданская смелость и оригинальная композиция. Глубокий анализ эпохи ученый органически связывал с творческими портретами ее представителей и мировым литературным процессом. О значимости этого издания писали и советские, и польские литературоведы. Однако третьему тому не суждено было увидеть свет.

В 1972 г. в издательстве «Наука» выходит книга Хорева «Становление социалистической литературы в Польше», ставшая своеобразным научным бестселлером. Это было первое в СССР исследование *современной* польской литературы. Определение *социалистическая* позволило ученому использовать контекст двойного назначения: показать эволюцию и роль социалистической литературы в историко-литературном процессе Польши и Западной Европы. Задачи рассматриваемого труда определил сам автор: «Общность эстетических проблем [...] не исключает, а предполагает обращение к национальным культурным традициям, к неповторимому историческому и национальному опыту различных литератур»⁹.

Поразительной была смелость ученого, пережившего трагедию запрета подобного исследования, правда, в меньшем объеме и охвате материала. Он прекрасно понимал, насколько трудна его задача. «Настоящая книга, — читаем во „Введении“, — по замыслу автора, является опытом впервые предпринятого монографически целостного исследования темы. Наша цель — проследить пути становления социалистической литературы в Польше и роль ее традиций для современного литературного развития. Показать ведущие закономерности этого процесса»¹⁰.

В решении задач автор перемещает акценты внимания с социалистической литературы на *целостный процесс развития всей национальной культуры польского народа*. «Автор стремится, — пишет Хорев, — к совмещению историко-литературного подхода к материалу с проблемным его содержанием и решению на этой основе принципи-

альных вопросов о времени образования революционно пролетарского течения в польской литературе [курсив мой. — С. М.] о роли различных литературных течений [...], о сущности нового художественного метода, о вкладе крупнейших польских социалистических художников слова в мировую литературу»¹¹.

Итак, социалистическую литературу Польши автор не только рассматривает в контексте общего развития, подчеркивая при этом ее достижения в национальном, но и в мировом проявлении. По убеждению Хорева, пролетарско-революционная культура — это, хотя и важное, но лишь *течение* в общем потоке развития культуры. Для периода жесткой цензуры мысль ученого была не только смелой, но и крамольной. И все же: «В одних главах, — пишет он, — идет укрупненное рассмотрение процесса, в других — более подробно говорится о творчестве того или иного писателя, сыгравшего значительную роль в литературном движении времени, ярко воплотившего в индивидуальном творчестве более общие тенденции»¹².

В книге названы сотни имен (точнее — 485), представляющих мировую культуру в историческом разрезе, многие из них вводились в обиход советской науки впервые, как и по-новому оценивались многие явления литературного процесса современности — 1960–70-х гг. В подобном исследовании нуждался научный мир тогда социалистических (и не только) стран. Об этом писали многие известные польские исследователи. Профессор Польской академии наук А. Ковальчикова отмечала, что литература межвоенного двадцатилетия «исследована фрагментарно», что «нет обобщающих работ», «нет систематической информации о культурной и литературной печати, о политическом или психологическом романе»¹³. Один из авторитетнейших литературоведов Польши, профессор Г. Маркевич отметил у ряда польских исследователей «боязнь обобщений» и «стремление к накоплению фактов»¹⁴.

Потребность в обобщающем научном исследовании польской литературы современного периода не только для советского, но и для польского литературоведения, возможно, и послужила причиной того, что партийная цензура СССР «разрешила» автору показать новизну оценок и назвать даже «нежелательные» имена деятелей польской культуры. Да и престижным был сам факт появления в *советской науке* исследования о *польской литературе*.

В очередной раз к проблеме польской литературы ученый обратился после распада СССР. В коллективном труде литературоведами

Института славяноведения и балканистики РАН был задуман и осуществлен грандиозный новаторский проект, вылившийся в трехтомное издание: «История литературы западных и южных славян» (М., 1995–2001), объемлющее более чем тысячелетний период развития литературы славянских народов до конца Второй мировой войны (1945). В редакционной статье данного издания содержатся две важные мысли, являющиеся концептуальными для двух эпох — советской и постсоветской.

«Справедливости ради, — читаем раздел «От редколлегии», — надо отметить, что отечественное славяноведение уже в 1960-е гг. стало успешно преодолевать социологические подходы к литературам, стремясь к их объективному освещению и пониманию специфики литературного труда»¹⁵. Примерами служат рассмотренные выше исследования Хорева и работы его коллег. Вторая мысль связана с особенностями постсоветской эпохи, сложившейся в России, когда авторы освободились «от идеологической предвзятости, ее инерции и схем, стремились к объективному освещению славянских литератур, к воссозданию полной и реальной картины развития каждой из них»¹⁶. Свобода творчества, прежде всего научного, сделала возможным не только издание этого труда, но позволила решить принципиально важные проблемы, связанные с развитием современных литератур. На волне социально-исторических изменений появилась и двухтомная «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (1995, 2001) под редакцией Хорева, охватывающая наиболее сложную, противоречивую и завершившуюся эпоху расцвета и падения социалистической системы, а вместе с ней и единства лагеря стран-сателлитов Советского Союза. Концепции и оценки литературного процесса стран Восточной Европы в «современной» их истории (1945–1980-е гг.) отличаются открытостью, объективностью, новизной, ясно определившими основную задачу исследования: «выявить применительно к каждой национальной литературе основную направленность ее движения во времени, борьбу и смену литературных тенденций, объединений, эстетических концепций, дать анализ наиболее значительных и характерных художественных произведений и творческих индивидуальностей»¹⁷.

В этом труде Хорев является ответственным редактором и одновременно автором глав о двух периодах развития «Польской литературы»: 1944–1960 и 1960–1980 гг., в которых блистательно соединяет

два ракурса видения: целостность литературного процесса в его проблемной, идейной и художественной эволюции и творчество и отдельные произведения деятелей культуры, определяющих ее развитие, их индивидуальный вклад в национальную и мировую культуру.

В рассматриваемом издании запечатлен наиболее трудный *историко-современный* период жизни каждого народа, который по праву можно назвать стремительно *меняющимся*. Примером могут служить литературы Югославии, представленные как пять национальных проявлений одного государства, а сегодня — в начале 2019 г. это государство уничтожено и исчезло с географических карт и атласов.

В числе оригинальных важнейших *новаторских* концепций этого издания можно назвать *имагологический* подход в осмыслении литературы каждого народа и в восприятии этих литератур читателями Советского Союза. Этой проблеме в обоих томах посвящены отдельные разделы, но, пожалуй, важнее, что этот процесс освещен еще *изнутри* — автором истории каждой литературы.

Следует отметить, что именно *имагологией* как новой разновидностью науки *о познании другого народа* в последнее двадцатилетие своей жизни занимался Хорев. Работая над главами «Польской литературы» в данном труде, он одновременно готовил к изданию собственное монографическое исследование, увидевшее свет в 2009 г. — «Польская литература XX века. 1890–1990». Эта книга стала знаменательным событием в научном мире славянских стран. В ней развитие литературы Польши представлено во всей своей сложности и многогранности: во всестороннем, эпическом охвате литературного процесса, его эволюции во времени с учетом социально-политических изменений, показом характерных видов, жанров, эстетических явлений, творчества отдельных авторов и их произведений с их влиянием на национальную и мировую культуру. В исследовании представлено три историко-литературных этапа: рубежа XIX–XX вв. (1890–1918), межвоенного (1918–1939) и послевоенного (1945–1989) периодов. Каждый период «выстроен» по одинаковому принципу: разделы, в которых рассматриваются закономерности развития культуры каждого этапа и основные разновидности литературы — поэзия, проза, драма. Казалось бы, известные рубрики, но в них открывается необыкновенно богатый и по-новому представленный мир литературы.

«Польская литература, — пишет автор, — рассказала миру о своей стране, совершила значительные художественные открытия, дала но-

вые измерения человеческой психики. Она [...] выразила умонастроения и стремления не одного поколения поляков, оказала и продолжает оказывать влияние на их национальное самосознание. А также на отношение зарубежного читателя к Польше»¹⁸.

Ученый, понимая сложность задачи изображения *естественного* развития литературы Польши, смело ломает стереотипы оценок самого сложного исторического этапа культуры, показывая противоречивость дискуссий, и имена многих умалчиваемых десятки лет писателей, произведений, явлений, направлений и методов культуры. Многие из них введены в литературоведческий и читательский обиход впервые. Поражает в этом труде и необыкновенность повествовательной манеры, напоминающей философско-исторический роман, написанный научно-эмоциональным языком.

Стереотип во взаимоотношениях *русский*–*поляк* и в историческом прошлом, и в современности, видимо, тревожил ученого. «Ничто так не способствует успешному проявлению устоявшихся схем, — читаем в разделе «От автора», — взаимных претензий, негативных стереотипов [...] как познание иной ментальности через художественную литературу, через сферу прочувствованной мысли [...]. Литература создает возможности особого познания действительности, преломленной в воображении писателя. Эта действительность может отличаться от знакомой читателю и открывать новые универсальные горизонты, если писатель стремится рассматривать описываемые явления в общечеловеческой перспективе»¹⁹.

Итак, на лицо три аспекта видения литературного процесса в курсе *имагологии*: «изнутри» — художественно-творческое, воспроизведенное писателем своего народа (в данном случае — польского); обобщенно-аналитическое, представляемое исследователями как всего литературного процесса и его отдельных проявлений, так и творческих индивидуальностей и их произведений; и, наконец, видение литературно-исторического развития представителями других народов (читателей, историков, литературоведов). Неслучайно Хорев считает, что выстраивание «художественной иерархии по „горячим следам“ только что закончившегося века» связано с попыткой уловить определенные тенденции в жизни литературы как одного из главнейших интеллектуальных языков, который имеет смысл для формирования отношения русского читателя к Польше и ее культуре»²⁰.

Следует отметить, что данное (пятое) обращение Хорева к истории польской литературы XX в. вылилось в фундаментальный труд,

отличающийся не только научной новизной и многогранностью, но и новым подходом ко всему литературно-историческому процессу, определенному самим автором как *имагологический*. Неслучайно, свою «Историю польской литературы XX века» он своеобразно «обрамляет» двумя важными монографическими исследованиями сугубо *имагологического* характера «Польша и поляки глазами русских литераторов» и «Восприятие России и русской литературы польскими писателями»²¹. Разработанную теорию имагологии и ее новый аспект — имагологию культурной памяти ученый представил на международной научной конференции, посвященной его 80-летию и присвоению ему звания «Почетный профессор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы». Это было 24 мая 2012 г.

«Имагология, — отметил Хорев, — выявляет и исследует истинные и фальсифицированные представления о другом народе с точки зрения их происхождения и общественного воздействия. Объединяя для решения этих задач усилия представителей разных гуманитарных дисциплин и являясь для них общей базой, имагология в то же время позволяет расширить рамки традиционного литературоведения [...]. Имагология вносит в изучение литературных связей новый аспект — исследование отражения жизни других народов в литературных и паралитературных (летопись, хроники, путевые заметки, дневники, письма и т.д.) произведениях. Очевидна актуальность имагологического подхода к изучению взаимного видения народов в нынешнем мире, стремительно объединяемом современными технологиями и столь же мощно разъединяемом искаженными представлениями народов друг о друге»²².

Актуальность научных трудов Хорева становится все очевиднее, поэтому и возрастает потребность в их переиздании, изучении и сохранении памяти об их авторе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История польской литературы. Т. II. М., 1969. С. 224.

² Там же.

³ Шоу Д.Б. Пьесы. М., 1969. С. 230.

⁴ Хорев В.А. О литературе Народной Польши (материалы для лекции о современной польской литературе). М., 1961. С. 9.

- ⁵ Там же. С. 6–7.
- ⁶ Там же. С. 24.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Хорев В.А.* Владислав Броневский. Очерк жизни и творчества. М., 1965.
- ⁹ *Хорев В.А.* Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979. С. 3.
- ¹⁰ Там же. С. 21
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Pamiętnik Literacki. 1977. № 2. S. 321.
- ¹⁴ *Markiewicz H.* Wczoraj i dziś nauki o literaturze polskiej // Ruch Literacki. 1964. № 2. S. 3.
- ¹⁵ История литератур западных и южных славян. В 3-х т. Т. III. М., 2001. С. 3.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. Т. I. М., 1995. С. 7–8.
- ¹⁸ *Хорев В.А.* Польская литература XX века. 1890–1940. М., 2009. С. 8.
- ¹⁹ Там же. С. 8–9.
- ²⁰ Там же. С. 12.
- ²¹ См. об этом: *Мусиенко С.Ф.* Имагология в научных трудах В.А. Хорева // День и вся жизнь. Светлой памяти Виктора Александровича Хорева посвящается. Гродно, 2013. С. 31–44; *Мусиенко С.Ф.* Польская литература в имагологической интерпретации В.А. Хорева // Балтийский филологический курьер. 2013. № 9. С. 99–113.
- ²² *Хорев В.А.* Имагологический аспект культурной памяти // День и вся жизнь. С. 29.